

A romantic couple is shown in a close embrace, about to kiss. The man is on the left, wearing a dark leather jacket, and the woman is on the right, wearing a plaid coat. They are both looking at each other with soft expressions. The background is a blurred city street.

Виктория Эверетт

*Вы никогда
не будете
вместе*

Виктория Эверетт

Вы никогда не будете вместе

«Автор»

2026

Эверетт В.

Вы никогда не будете вместе / В. Эверетт — «Автор», 2026

Девятнадцатилетняя Алина влюблена в своего соседа Владимира. Безнадёжно. Болезненно. На десять лет старше её, он кажется ей пришельцем из другого мира — мира дорогих костюмов и серьёзных проблем. Два лет назад один пьяный поцелуй на лестничной клетке стал для неё главным воспоминанием юности. Она ждала, что он вернётся за ней. Но он просто забыл. Теперь он здесь. Разведён, живёт с родителями и ищет ключи от старой квартиры. Его ярость и уязвимость притягивают Алину ещё сильнее. Но готова ли она к тому, что его возвращение разрушит её тихий мирок? И главное — сможет ли она поверить, что достойна его внимания?

© Эверетт В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Воспоминания бьют наотмашь	5
Глава 2. Пробуждение от грёз	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Виктория Эверетт

Вы никогда не будете вместе

Глава 1. Воспоминания бьют наотмашь

Алине девятнадцать, и она снова влюблена — до дрожи в кончиках пальцев.

Он жил этажом выше. Он был старше на десять лет, но рядом с ним Алина всегда чувствовала себя взрослее всех своих ровесников.

Их старый дом на Тимирязева давно зарос кленами так, что во дворе всегда царили сумерки. Советская детская площадка прогнила насквозь. Вечерами воздух пах жареной картошкой и пирожками. Местный совет бабушек держал оборону цветника у подъездов против алкашей и шумных детей, а еще боролся с неправильно припаркованными (по их мнению) машинами.

Алина еще в четырнадцать лет поделилась переживаниями с подругой Лидой, сестрой Аллой и мамой. Реакция была неоднозначной.

— Вы никогда не будете вместе, — вздохнула Лида.

Она искала пропавшую тетрадь по геометрии, старательно вытряхивая содержимое рюкзака прямо на пол. До звонка оставалось три минуты. Подружки сидели под закрытой дверью кабинета.

Шум школьного коридора был идеальным прикрытием для интимного разговора. В криках и воплях мало кто сможет подслушать.

— Почему? — Алина с тоской посмотрела на подругу.

— Потому что он из другого мира. Ему сколько сейчас? Двадцать пять? У него наверняка уже есть невеста...

— Ну да..

— И о чём вам разговаривать, а? Какие общие темы? Биология за седьмой класс? — Лида всегда поражала трезвым взглядом на мир. Она фыркнула и наконец-то захлопнула рюкзак.

Дома её тогда тоже не поняли.

— Вы никогда не будете вместе, — подтвердила сестра Алла, на минуту оторвавшись от очередной компьютерной игры. — Нафиг ему сдалась малолетка. Наиграется и бросит, только слёзы потом будешь лить.

Алла была младше всего на два года, но почему-то порой казалась старше.

Мама только вздохнула и закатила глаза:

— Об учёбе лучше думай. Ну какие мальчики в четырнадцать лет...

Именно маме Алина так и не решилась сказать, что её избранник — их сосед Владимир. Просто кивнула и ушла плакать в свою комнату.

С братом Димой Алина даже не стала говорить на такие щепетильные темы. Он был слишком занят подготовкой к свадьбе — то есть старательно прятался с друзьями по клубам и регулярно отключал телефон, чтобы настырная Машка не звонила ему каждые пять минут.

Её первая любовь, Владимир (для неё — Вовчик, а позже просто Вован или даже Вовка), казалось, всю жизнь жил рядом. Он поразил её детское сердечко своим мужественным видом и дорогой по тем временам машиной. Алина выросла, пережила пару лёгких романов, которые не оставили и следа в душе. Владимир же успел жениться и уехать с беременной женой в новую квартиру.

А потом она узнала, что он вернулся.

Алина посмотрела на себя в зеркало и поморщилась. Худое лицо казалось бледным до прозрачности, но при этом на талии предательски угадывалась пара лишних килограммов.

Серые глаза, русые волосы... Вроде бы ничего, но вечно что-то не так. Она хмыкнула, сделала селфи, сделала тоньше талию и подправила тон кожи, и отправила в соцсеть с дежурным пожеланием доброго утра.

Её комната выходила окнами на парковку. Вот и сейчас кто-то внизу слишком резко хлопнул дверью машины. Лето, все окна нараспашку — слышно каждый шорох. Алина с раздражением повернулась к окну, но гнев тут же испарился.

У белого «китайца» Naval стоял Владимир. Он с кем-то ожесточённо ругался по телефону. Разговор был явно неприятным: он с силой захлопнул водительскую дверь, а затем несколько раз ударил кулаком по капоту ни в чём не повинного автомобиля.

Алина поймала себя на том, что улыбается.

Ему уже тридцать. Лицо приобрело чеканные черты античной статуи: волевой подбородок, карие глаза, чёрные волосы... и тонкие, плотно сжатые губы, которые кривились от гнева. Алина покраснела, словно это её застали за чем-то постыдным.

Два года назад он был пьян без видимой причины. Она была разбита после расставания с парнем. Они поцеловались на лестничной площадке.

Это было прекрасно... Она до сих пор помнила его запах: тяжеловесная сладость виски и терпкость дорогого парфюма. Его поцелуй был таким же — обжигающим и настоящим.

Он ей снился. Она ждала... Ждала чуда, что однажды он постучит в её дверь. Но ничего не случилось. И эта тишина кричала об одном: он был так пьян, что даже не помнит тот поцелуй, который оставил на её сердце тонкий шрам.

Владимир наконец-то отключил телефон. Алина вернулась в настоящее время, прижимая ладони к пылающим щекам. У сестры опять заиграла музыка из колонки. Алла зашла в их общую комнату, неся тарелку с бутербродами.

— Хватит хлеб есть, опять в джинсы не влезешь, — неожиданно зло заметила Алина.

Её бесило всё: эта музыка, этот дом, и особенно собственное отражение, которое она только что видела в зеркале. Алла, как всегда, была идеальной мишенью для вымещения злости.

Сестра припёрлась очень не вовремя. Алла нахмурилась, оценивая красные щёки Алины.

— Не парься за мою пятую точку. Что случилось?

— Ничего...

Алина выскочила в коридор, где опять перегорела лампочка. В дверь позвонили.

Ух ты! Это даже не звонок в домофон, это кто-то из своих.

Сердце пропустило удар. Вот оно? Неужели?

Она как была в домашнем коротком халатике, так и открыла дверь. На пороге стоял Вова. Тот самый, что минуту назад казался воплощением ярости, теперь улыбался ей так легко и беззаботно.

— О! Алинка, привет! У вас моих ключей не осталось? У меня родители ещё в Сочи отдыхают... А я свои потерял. Только вот, от домофона нашёл в машине...

Алина растерялась. Ключи? Он пришёл за ключами?

— Я... сейчас посмотрю... — собственный голос показался ей чужим.

Она вцепилась в ворот халата, чувствуя, как из подъезда потянуло прохладой. Или это её саму трясёт?

— Посмотри, а?

— Да ты заходи... пока смотреть буду... — Алина нервно поправила волосы рукой.

Он охотно зашёл внутрь, сразу снимая дорогие ботинки. На нём был шикарный по меркам Алины серый костюм. У него явно всё хорошо с деньгами.

Что он тут забыл? В старом квартале, где остались только те, кто не смог взять ипотеку и продолжал пить? Как вот, например, отец Алины... При мысли об этом она почувствовала жгучий стыд за свой старый халат и облезлый коридор

— Вовчик! — Алка выскочила из комнаты в своей обычной манере. — Бутеры будешь? Алина вздрогнула, словно её ударило током, когда увидела его широкую улыбку, адресованную сестре. Его улыбка была такой же тёплой, как та, которой он одаривал Алину пять лет назад на лестничной площадке. Только теперь она предназначалась не ей.

— И тебе привет, красотка!

«Не твой он, успокойся», — тут же укорила себя Алина.

— Так будешь или нет?

— Буду. И чай.

— Ща сварганю!

Алла была классической пацанкой: короткие волосы торчали в разные стороны, а манера общения без фильтров отпугивала учителей, но делала её королевой двора. Она знала по имени всех охранников в супермаркете, могла стрельнуть сигарету у любого байкера и часами болтала с бабушками на лавке.

Алина на её фоне чувствовала себя неудачницей. Учёба давалась плохо — мать буквально затолкала её в колледж на парикмахера со словами: «Может, хоть там из тебя человека сделают!». Алина ненавидела этот колледж: запах дешёвой краски для волос, пустые разговоры однокурсниц о сериалах и вечное ощущение собственной никчёмности. Она сидела на переменах одна, уткнувшись в телефон, лишь бы не видеть чужого веселья, так и не сумев завести подруг.

У Аллы же даже на личном фронте всё было решено. На её коротком, мальчишеском пальце красовалось кольцо с бриллиантом — холодным и сверкающим символом сделки с будущим. Её поклонник, какой-то взрослый парень из технаря, терпеливо ждал совершеннолетия, чтобы повести её в ЗАГС.

А у Алины был лишь призрак поцелуя двухлетней давности — воспоминание настолько зыбкое, что иногда казалось, будто она сама его выдумала, лишь бы заполнить гулкую пустоту внутри. Она ведь даже не знала, как и зачем он тут оказался после переезда с женой...

Когда они втроём устроились на тесной кухоньке с выщербленной клеёнкой на столе, Алина набралась смелости и спросила:

— Какими судьбами к нам?

— Родителей хотел проведать... — ответил Вова, и Алина с удовольствием отметила, что он по-прежнему опускает глаза, когда смущается. Как тогда... во время их первого и последнего поцелуя.

— Давно не показывался... Какие новости? Как жена? Сын? — деловито спросила Алла, отпивая обжигающий чай и даже не поморщившись.

— Сын отлично! Макару уже четыре года, в садик ходит.

Алина почувствовала, как внутри всё сжимается. Четыре года. Он уже был отцом, когда она грезилась о нём по ночам.

— Братика или сестрёнку не планируете? — Алла мастерски вывела разговор на самую опасную территорию и теперь косилась на Алину с видом триумфатора.

В её взгляде можно было прочитать всё без слов: «Сестрёнка, для тебя стараюсь!»

— Нет, — ответ получился очень резким.

Вовка с громким стуком поставил кружку на стол. Надкушенный бутерброд он отложил в сторону так, будто тот потерял всякий вкус.

— Девчонки, давайте не будем... о грустном.

— Слушай, если у тебя что-то случилось, скоро уже весь двор будет в курсе, — философски заметила Алла, жуя бутерброд. — Это же наш спальный район.

— Ну да... моя мамка тёте Зине точно расскажет, а там... Ладно. Короче... Я развожусь. Квартиру оставил Ларисе и Макару. Решил к родителям пока переехать, пожить тут.

В груди у Алины что-то заняло, а потом разлилось горячее, пьянящее тепло.

«А если правда? А если они будут вместе? А если у них тоже будет свадьба...»

Но надо было поддерживать светский разговор.

— Можно сказать, вспомнить беззаботную молодость. У вас как дела? Дядя Толя работает?

— Ну как работает... — фыркнула Алина.

— Бухает, — отрезала Алла и помрачнела.

— А мама? Тётя Марина... там же работает?

— Да, она как всегда сидит в регистратуре поликлиники, — отозвалась Алина. — Сейчас ещё подрабатывает дворником на полставки. Папаша микрозайм взял, уже коллекторы приходили.

Вова на секунду замер. В его мире были адвокаты по разводам и ипотека. В мире этих девчонок — коллекторы и вторая работа дворником. Он неловко кашлянул.

— А ты, Алина? Учишься, работаешь? — Вовка посмотрел на неё карими глазами с той самой тёплой искоркой.

— Учусь на парикмахера... Мрак.

— А чем бы хотела заниматься?

— Не знаю...

— Тусовками! — захохотала Алла, пихая сестру локтем в бок. — Да не, шучу я. Она у нас серьёзная... когда не витает в облаках. Да маман наша голову ей забила дурью с парикмахерами. Алинке надо было на ветеринара идти. В приюте собачьем вечно пропадает...

— В собачьем приюте? Ни разу там не был. И что ты там делаешь? — Вова подался вперёд, проявляя искренний интерес.

Алина выпрямилась, её глаза загорелись.

— Убираю, кормлю. Вот на прошлой неделе выходили щенка с энтеритом... Иногда веду соцсети, когда наша девочка болеет. Приезжай! Посмотришь, может, кого-то себе выберешь.

— Как оживилась сразу! — восхитился Вова. — Уважаю, поддерживаю... но я в этом не силен. Могу помочь только как благотворитель. Не люблю животных, если честно. Это мама моя вечно тащила с улицы... а я как-то не проникся.

Алина осеклась. Слово «благотворитель» прозвучало холодно. Оно ударило наотмашь. На секунду повисла неловкая тишина, которую она тут же попыталась заполнить

— Ну... деньги нам тоже нужны, — быстро нашлась она.

— Хорошо, обсудим позже, узнай пока, что вам конкретно нужно или какая сумма. Но имей в виду, я тут ненадолго. Пока немного поживу...

— Съёмную будешь искать? - деловито спросила Алка.

— Конечно! Мне послезавтра тридцать лет стукнет! Уже несолидно жить с родителями. Они ещё немного поболтали и разошлись.

Алина в задумчивости тёрла одну и ту же тарелку. У него была своя взрослая жизнь, а она всё ещё сидела на этой кухне, пахнувшей жареной картошкой, и мечтала о нём.

Алка зашла на кухню и растянулась на крохотном кухонном диванчике. Её ноги свесились вниз, почти доставая розовыми тапками до вытертого линолеума, помнившего ещё годы перестройки.

— Алинка, беру свои слова назад. Парень нормальный. Глядишь, на самом деле разведётся, и бери готовенького, уже проверенного семейным бытом.

— Он животных не любит!

— Что, образ прекрасного принца треснул? — захохотала Алка. — Да ну этих собак нафиг. Он сам сказал, что работает замдиректора в магазине... А это крупный магазин! Там полгорода продукты покупает! У него есть деньги... Конечно, Ларка сейчас половину оттяпает и квартиру в придачу... Но! Вовка точно ещё больше заработает. Короче, давай я подстрою небольшой потоп. И ты такая к нему прибежишь...

— А ну стой! — Алина с громким плеском бросила тарелку обратно в раковину. Брызги холодной воды попали ей на халат. Эту тарелку она мыла последние минут пять, но так и не отмыла. Мысли разбегались, не давая заняться делом. — Алка! Не лезь! Я сама разберусь.

Алка обиделась и ушла. Если бы на многострадальной кухне была бы дверь, то она бы демонстративно хлопнула. А так — только недовольно прощуршали китайские бумажные занавески.

Алина села за обшарпанный, но чистый стол — единственное, что она могла контролировать в этом хаосе, — уронила голову на руки и заплакала. Она сама не понимала, что с ней случилось.

«Какие животные... Какой приют!»

Совсем рядом с ней целый час сидел Вова — любовь всей её жизни. И посмотрел на неё всего пару раз. У него своя жизнь...

Глава 2. Пробуждение от грёз

Лида училась на втором курсе медицинского. Пока Алина витала в облаках, та упорно зубрила анатомию, готовясь к сессии, на которой не планировала упустить ни единого балла. Алина могла только позавидовать этой холодной, расчётливой целеустремлённости. Вот и сейчас, когда Лида так нужна, она наверняка сидит в обнимку с атласом по гистологии, а не с ней. Придётся ждать еще неделю, пока она наконец-то освободится.

Может, написать ей? Нет, отвлекать от учёбы — плохая идея. А может, не плохая? Вдруг у неё есть минутка? Нет-нет, не стоит. Она и так всё время из-за Алины пропускает что-то важное. Алина открыла мессенджер, начала набирать сообщение «Привет, как ты?», но так и не отправила его, удалив. Нерешительность была её второй натурой.

Алка уехала на свидание со своим «принцем». Её нужно было уговаривать. Он посигналил у подъезда на белом «Мерседесе», и она, чмокнув маму в щёку, упорхнула. С разрешения мамы, что особенно бесило Алину. Её бы так просто никуда не отпустили.

Для мамы она всё ещё была маленькой девочкой, которая может потеряться или сказать глупость. И, честно говоря, Алина не была уверена, что смогла бы так же легко и беззаботно упорхнуть из дома. Она бы полчаса собиралась с духом, придумывала бы повод, а потом всё равно осталась, испугавшись маминого неодобрительного взгляда.

Алина всё гадала: откуда у этого Пашки деньги? Откуда? У него же не было богатых родителей... Может, кредит? Или... что-то ещё? Алина отмахнулась от этой навязчивой мысли. Не её это дело.

В квартире стало тихо-тихо. Только гудел старый холодильник да тикали часы. Алина осталась наедине с пустотой и гулкой тишиной квартиры. И с мыслями о нём. О Владимире.

Алина размышляла о нём, сидя в комнате и слушая музыку. Но долго погружаться в фантазии ей не дали. Музыка оборвал грохот в коридоре, от которого тонкие стены заходили ходуном.

Был уже вечер. Коллекторы как выяснилось очень любили приходить в это время. И вот опять. Кто-то из соседей их пустил в подъезд...

Раздались удары по двери. Алина уже научилась их различать с закрытыми глазами. Тот, кто представлялся Сергеем, стучал аккуратно, костяшками пальцев. А вот Вадим Вадимович словно каждый раз пытался выбить её из проёма. Удары были такими мощными, что старая деревянная дверь билась о металлический каркас. От каждого удара по квартире шла вибрация, а в ушах у Алины стоял невыносимый, пронзительный звон.

Она знала этот сценарий: сейчас коллектор покричит с той стороны, она будет молчать, притворяясь, что никого нет дома. А потом они уйдут, чтобы вернуться завтра. И так будет продолжаться, пока отец не заплатит.

Отец Алины, Анатолий Петрович, спал пьяным сном в гостиной под работающий телевизор.

Мама, Марина Викторовна, женщина пятидесяти лет, располневшая не от хорошей жизни, с тяжёлой одышкой, ворвалась в комнату. Её полное тело заполнило узкий проход между кроватями, и без того тесная каморка стала казаться клеткой. От неё пахло дешёвыми духами и валерьянкой.

Бедная мама... Она прошептала дрожащим голосом:

— Что делать будем?..

— А ну открывайте! — за дверью раздался низкий и очень хриплый голос. Ну точно Вадим Вадимович.

— Мама, давай полицию вызовем.

— Ох нет... стыд какой...

— Да не имеют они права так делать! Пусть в суд идут...

— Позор какой... какой позор, — мать словно не слышала её. Она опустилась на краешек Алкиной кровати, и старенький матрас жалобно скрипнул под её весом.

Алина обхватила себя руками за плечи, словно пытаясь стать меньше, вжаться в стену. Её домашний халатик в мелкий цветочек казался ей нелепым и детским — совсем не то, что надела бы женщина, способная дать отпор.

Она всегда так делала — сжималась в комок, когда чувствовала себя одинокой или неуверенной. Это была привычка с детства: стать незаметной, чтобы не привлекать внимания и не вызвать гнев. Даже сейчас, когда отец спал пьяным сном за стеной, его невидимая тень накрывала всю квартиру. Но ни Алка, ни Димка не поддались. Не сломались под его вспышками пьяной агрессии. Словно всю эту боль, весь этот страх взяла на себя только Алина, добровольно став громоотводом для семьи.

«Почему я?» — эта мысль впервые прозвучала в её голове не с отчаянием, а с тихой, злой усталостью. И эта усталость была чем-то новым. Чем-то, что было опаснее слёз.

Внезапно в подъезде раздался другой звук — уверенный щелчок дверного замка. Дверь квартиры этажом выше распахнулась. Послышались немного шаркающие по ступенькам шаги.

Владимир долго не размышлял. Отец его учил не отсиживаться в кустах, а действовать, резко и быстро как мужчина. Он вышел из квартиры в отцовских разношенных тапках, простых шортах до колен и в выцветшей чёрной футболке с логотипом какой-то древней рок-группы.

Он выглядел так по-домашнему, что контраст с происходящим казался нереальным. Он не кричал. Его голос был тихим и ровным, но в тишине подъезда он прозвучал как приговор:

— Достаточно. Вы мешаете отдыхать мне и соседям. Я уже вызвал полицию. У меня есть запись ваших угроз. Мои адвокаты будут рады этому материалу для иска о вымогательстве и нарушении тишины. Уходите.

Громила рядом с ним выглядел особенно комично: гора мышц, затянутая в дешёвую синтетическую футболку, от которой пахнет потом и табаком. Он на секунду опешил от этого спокойного тона, но быстро пришёл в себя:

— Да ты чё... адвокат? Да я тебя...

Владимир сделал один шаг вперёд. В его взгляде не было ярости, только обманчивое спокойствие и сталь. Его коллеги и подчинённые знали — увидел такой взгляд, беги и исправляй ошибки.

— Угрожать мне — плохая идея. Уходите по-хорошему.

Вадим Вадимович пробормотал что-то неразборчивое, сплюнул на пол и начал тяжело спускаться по лестнице.

В квартире Алины дверь приоткрылась на щелочку. Она увидела его спину. Он стоял в полумраке коридора, всё ещё напряжённый, а потом медленно выдохнул и провёл рукой по лицу. Затем он повернул голову и посмотрел прямо на неё.

Алина замерла. Да, это был он. Владимир. В простой домашней одежде он казался ещё более нереальным, чем в её фантазиях.

В этом взгляде не было ни удивления, ни узнавания. Только холодное, оценивающее спокойствие, которое так напугало громилу. И в этот момент Алина поняла: её детская влюблённость умерла. На её месте рождалось что-то совершенно другое — глубокое, взрослое уважение к силе этого человека. И, возможно... надежда.

И в эту тишину из приоткрытой двери Алины ворвался новый звук — полный облегчения всхлип.

— Ох, господи... Господи... — мама, забыв про одышку, выкатилась из квартиры к Владимиру. Её полное лицо было красным и мокрым от слёз, но глаза сияли безграничной благодарностью. — Родненький вы мой! Спаситель! Да как же вы... Да что же это... Я уж думала, всё...

Она схватила его за свободную руку своими пухлыми ладонями.

Владимир немного смутился. Он был похож на большого кота, которого внезапно начали гладить.

— Да я так... по-соседски, — пробормотал он.

— Заходи в гости! У меня пирог есть, с яблоками! И картошка с курицей на ужин. Поешь, а то очень худой какой-то, — затараторила мама.

Владимир улыбнулся. Эта фраза была знакома ему с детства, от его собственной мамы. Он на секунду увидел в этой располневшей, заплаканной женщине отражение всех мам мира.

Алина же стояла в дверях, вцепившись в косяк. Она видела всё как в тумане.

— Алина, — зашептала мама, чувствительно пихая её локтем в бок. — Чего встала как вкопанная? Бери там из заначки... За коньяком сбегай!

Владимир мягко высвободил руку и сделал шаг назад.

— Я не пью! И никуда бежать не нужно, я только что поужинал, — сразу поднял он руки в универсальном жесте «сдаюсь», прерывая её суету.

Алина же по-прежнему стояла в дверях. Она видела, как этот уверенный мужчина теперь с улыбкой поднимал руки в знак капитуляции перед её мамой. Он был... нормальным. Слишком нормальным для их мира.

Владимир мягко, но решительно покачал головой.

— Спасибо вам огромное за приглашение. Вы очень добры. Но я действительно устал и... мне нужно побыть одному. Слишком много всего сегодня.

Он сделал шаг назад, к лестнице. Его взгляд на мгновение задержался на Алине. В нём не было ничего особенного — просто вежливость. Но для неё этот взгляд был как удар тока.

— Ещё раз спасибо, — сказал он и, кивнув на прощание, поднялся по лестнице.

В подъезде снова стало тихо. Мама разочарованно вздохнула и, шаркая тапками, вернулась в квартиру.

Алина осталась стоять в дверном проёме. Сердце колотилось где-то в горле. Она всё ещё чувствовала запах его парфюма, смешанный с прохладой подъезда. Он был здесь. Он спас их. А потом просто... ушёл.

Тишину квартиры разорвал звук проворачиваемого в замке ключа.

Алла ворвалась в прихожую, как ураган из ароматов духов, попкорна и счастья. Её глаза сияли.

— Привет! А чего у нас свет в окнах? Я думала, вы спите уже... Ого! А что за атмосфера? Вы что, поругались?

Она зашла в гостиную, где по-прежнему пьяно храпел отец. Его столкнули с дивана на пол — по привычке, чтобы не мешал. Он даже не проснулся. Алина и мама смотрели телевизор. И были особенно грустны.

Мама только устало махнула рукой в сторону двери и побрела на кухню. Уже оттуда, гремя посудой, она крикнула:

— Девочки! Кто хочет чаю? Ужин кому-то погреть?

— Нет! Только чай, — синхронно крикнули сёстры, как это часто с ними бывало.

Алла мгновенно считала напряжение. Она втянула носом воздух.

— Так... Коллекторы приходили? Я по запаху чую! Вадим Вадимович? Он был? И... — её взгляд упал на помрачневшее лицо сестры, — ...и что? Папаша опять спал?

— Да, как всегда спал. Вадим Вадимович был особенно зол. Но...

— Но — что?! Что случилось?! — Алла явно паниковала, прищуривая серые глаза, в которых начали сгущаться тучи.

Алина обхватила себя руками. Слова не шли. Она могла только смотреть на сестру огромными, полными шока глазами.

—Алка... Вова спустился и прогнал Вадима.

У Аллы загорелись глаза:

— Как?! Я драку пропустила?!

— Нет, угрожал адвокатами, полицией... Мама потом его звала на ужин, а Вова отказался.

— Вот блин, я такое пропустила... Ха, я бы его так просто не выпустила... Он же теперь герой нашей семьи, — Алка прикусила нижнюю губу, как всегда, когда обдумывала очередной коварный план. — Слушай, а давай-ка мы его отблагодарим. По-настоящему. У меня есть идея..

— Алла! — в голосе Алины послышалась её привычная настороженность. Она обхватила себя руками за плечи, словно пытаясь стать меньше. — Я боюсь твоих идей...

— Да не бойся, голой танцевать не заставлю!

Алина покачала головой. Дело было не в танцах. Она боялась, что любая идея Аллы заставит её выйти из её тёмного угла, где было так безопасно и привычно. Заставит снова надеяться, а потом... она не знала, что будет потом. Но страх уже сковал её по рукам и ногам.

— Он не пьёт, если что, — ляпнула Алина и почему-то покраснела.

— Ого! Ого!! — Алка подняла брови в удивлении. — Это просто супер! Вот теперь я уже не шучу... Хммм... я помогу тебе затащить его снова в ЗАГС.

Алину подхватил и нёс бурный поток Алкиного энтузиазма, и впервые за долгое время она не сопротивлялась. Наоборот, где-то глубоко внутри робко, как маленький росток, начала пробиваться надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.